

Научная статья
УДК 39(=352.2)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-181-191
EDN: JINANO

**ПОВЕРЬЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ ДУШИ ПОКОЙНИКА
В РОДНОЙ ДОМ, В ТРАДИЦИОННОЙ
ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
(НА ПРИМЕРЕ АБХАЗОВ И КАРАЧАЕВЦЕВ)**

Рица Шотовна Зельницкая

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия, ri-za81@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9727-0093>

Аннотация: Статья посвящена одному из элементов традиционной похоронно-поминальной обрядности у народов Северо-Западного Кавказа (на примере абхазов и карачаевцев), связанному с обрядами и поверьями о возвращении души умершего в родной дом. По народным поверьям душа человека окончательно не покидала свою семью, род и общину, она оставалась частью самого человека, олицетворяя его собственную личность. Все обряды, которые проводились после смерти человека, были направлены на то, чтобы на «том свете» душа ни в чем не нуждалась и находилась вместе с ранее ушедшими родственниками. Смерть у этих народов воспринималась, с одной стороны, как трагическое событие, а с другой о ней говорили вполне спокойно и осознавали, что люди в этом мире находятся временно. Особенно трагически воспринималась неожиданная смерть человека. В том случае, когда человек умирал вне домашнего или общинного пространства, необходимо было совершить соответствующие обряды «для возвращения души умершего в родной дом с целью ее воссоединения с семьей», чтобы она не стала потерянной и опасной прежде всего для родственников. Приведенный в статье в качестве примера обряд, связанный с возвращением души утопленника, был схожим у некоторых народов Северо-Западного Кавказа. Выявленные в ходе исследования параллели как в ритуалах похоронно-поминального цикла, так и в системе социальных отношений являются результатом культурного взаимодействия народов, населяющих территорию Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: утопленник, душа, абхазы, карачаевцы, обряд, возвращение

Для цитирования: Зельницкая Р.Ш. Поверья, связанные с возвращением души покойника в родной дом, в традиционной похоронно-поминальной обрядности народов Северо-Западного Кавказа (на примере абхазов и карачаевцев) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 181-191. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-181-191. EDN: JINANO.

© Зельницкая Р.Ш., 2025

Original article

**BELIEFS RELATED TO THE RETURN OF THE SOUL
OF THE DECEASED TO HIS NATIVE HOME
IN THE TRADITIONAL FUNERAL AND MEMORIAL RITUALS
OF THE PEOPLES OF THE NORTH-WEST CAUCASUS
(ON THE EXAMPLE OF THE ABKHAZIAN AND KARACHAY)**

Ritsa Sh. ZelnitskayaRussian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia, riza81@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-9727-0093>

Abstract. The article is devoted to one element of the traditional funeral and memorial rituals among the peoples of the Northwest Caucasus (using the example of the Abkhazians and Karachays), associated with rituals and beliefs about the return of the soul of the deceased to his native home. According to popular beliefs, the soul of a person did not completely leave his family, clan and community, it remained a part of the person himself, embodying his own personality. All the rituals that were performed after a person's death were aimed at ensuring that the soul did not need anything in the "next world" and stayed with previously departed relatives. Death among these peoples was perceived, on the one hand, as a tragic event, but on the other hand, they talked about it quite calmly and realized that people were temporarily in this world. The unexpected death of a person was especially tragically perceived. In the case when a person died outside the home or community space, it was necessary to perform appropriate rituals "to return the soul of the deceased to his native home in order to reunite it with his family," so that it would not become lost and dangerous primarily for relatives. The rite given in the article as an example, associated with the resurrection of the soul of a drowned man, was similar among some peoples of the North-Western Caucasus. The parallels identified in the course of the study both in the rituals of the funeral and memorial cycle and in the system of social relations result in an cultural interaction between the peoples inhabiting the territory of the North-Western Caucasus.

Keywords: drowned man, soul, Abkhazians, Karachai people, rite, return.

For citation: Zelnitskaya R.Sh. Beliefs related to the return of the soul of the deceased to his native home in the traditional funeral and memorial rituals of the peoples of the North-West Caucasus (on the example of the Abkhazians and Karachays). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 181-191. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-181-191. EDN: JINANO.

© Zelnitskaya R.Sh., 2025

Народы, населяющие территорию Северо-Западного Кавказа, на протяжении длительного времени находились в непосредственной близости друг к другу, что приводило к постоянному социальному взаимодействию. Абхазо-адыгский и тюркский культурные миры, сосуществуя в едином географическом пространстве, сформировали общую для региона культурную модель, сохраняя при этом собственные этноязыковые границы, что способствовало возникновению ситуации не только многообразия, но и взаимного обогащения. При этом в ситуации формирования единого культурного пространства жители исследуемого региона продолжают рассматривать себя как представителей самостоятельных этносов [Литвякова 2013: 27-30]. Невидимые культурные границы позволяют отличить себя от соседствующего народа, при этом продолжая коммуницировать с ним. Изучение общей морфологии и смыслового содержания ритуалов позволяет выявить установившиеся культурные параллели между отдельными этническими группами.

В качестве исследовательского примера мы обратимся к одному из вариантов похоронного обряда – возвращение души умершего вне родного дома, который практиковался у народов Северо-Западного Кавказа и оставил свой след в преданиях. Вне зависимости от существующих различного рода границ в от-

дельных преданиях отражены интересные параллели, которые сформировались, как было отмечено выше, в результате взаимодействия народных традиций [Медведев, Горобец 2014: 13-14]. Используемый в работе кросс-культурный метод исследования позволит выявить существующие общие черты в традиционной культуре абхазов и карачаевцев.

Актуальность темы исследования обусловлена обстоятельством, описанным Ю.А. Смирновым: «картины загробного мира довольно пестры и многочисленны и создаются в зависимости от преобладания в обществе религиозной, морально-этической или социальной концепции подчиняясь идее смерти», которая является переходом из одного состояния в другое [Смирнов 1997: 80], что в полной мере это относится и к культурам абхазов и карачаевцев.

Для абхазов и карачаевцев потусторонний мир соотносится с миром живых как «другая сторона». Попадая в другой мир, душа умершего продолжает сохранять связь с миром живых родственников. Кроме того, она должна воссоединиться с другими душами предков. Даже в текстах причитаний женщины-родственницы, обращаясь к умершему, спрашивают, кого он там встретил, кому доставил радость, он, ранее умерший, наверно радуется. Живые, со своей стороны, продолжают общаться с мертвыми как с живыми даже после погребения тела. Кроме того, стоит отметить у народов Северо-Западного Кавказа трепетное отношение к телу покойника. По их представлениям наносить ему увечье большой грех. «Если сломаешь кость у мертвого, это равносильно тому, что ты это сделал с живым человеком» [ПМА 2021a].

Существенное значение в традиционной культуре абхазов и карачаевцев имела забота о душе умершего родственника. Вне зависимости от того, своевременно ли человек покинул этот мир или он трагически погиб, считалось необходимым совершить похоронные обряды в соответствии с принятыми в сообществах правилами. Примечательным обстоятельством, относящимся к этим народам, была высокая степень схожести проводимых обрядов, что определено связано с тем, что на протяжении длительного времени исследуемые народы сохраняли активные взаимные контакты. Установившиеся на протяжении длительного времени взаимоотношения привели к тому, что некоторые элементы традиционной жизни были заимствованы обеими сторонами.

Вопросами, связанными с изучением поверий о возвращении души умершего в родной дом у народов Северо-Западного Кавказа, исследователи интересовались еще во второй половине XIX в. В отдельных периодических изданиях были опубликованы статьи, которые раскрывают нам, как проводили данный обряд в регионе. В 1873 г. учитель Сухумской горской школы обратил внимание на то, как абхазы «вылавливали» душу утопленника из воды, даже в том случае если им удалось «достать его тело». По его заданию ученики собрали материал, а он, в свою очередь, написал небольшую заметку в газете Кавказ, в которой детально описал состояние «потерянной» души [Иоакимов 1873: 2]. Вслед за этой публикацией в 1879 г. в журнале «Природа и охота» краевед натуралист-зоолог В.И. Чернявский написал две дополняющие друг друга заметки, где описывал, как абхазы «вылавливали» душу утопленника из реки. В кратких выводах он писал о том, что для абхазов возвращение души в дом «со-

ставляет самое главное» [Чернявский 1879: 350]. Следующее сообщение об этом обряде на русском языке увидело свет в 1903 г. благодаря учителю I-го Тифлисского городского (Авлабарского) училища [Храмелов 1903: 156-158]. Представленная им статья содержала описание последовательности этого обряда, состава участников, характера его поведения. Карачаево-балкарский фольклор также содержит интересные сведения о «вылавливании души утопленника» в двух вариациях: в одном случае обращались к отцу воды Су-атасы Суулемену, а в другом – матери воды Су-Анасы [Карачаево-балкарский... 1983: 30]. Интересно, что, согласно фольклорным данным, Су-Анасы возвращала утопленных девушек (женщин), а Су-атасы – мужчин.

Уже в советский период изучением общих фольклорных сюжетов и отдельных обрядов занимался Г.Ф. Чурсин, который дал подробные сведения по интересующей нас теме [Чурсин 1957]. В советское и постсоветское время данную тему отчасти затрагивали Ш.Д. Ина-ипа [Инал-ипа: 1976], Е.А. Нальчикова [Нальчикова, Текуева 2019], Д.Р. Лакунова [Лакунова 2016] и др.

Основной исследовательской целью статьи является рассмотрение межкультурных параллелей в традиционной похоронной обрядности у народов Северо-Западного Кавказа, а именно поверья, связанного с «вылавливанием» из воды и возвращением души погибшего в родной дом. Основным материалом для исследования стали подробные сообщения об этой традиции, записанные на рубеже XIX–XX вв. Кроме того, в работе использован полевой материал автора, зафиксированный как в абхазском, так и в карачаевском обществах. Несмотря на то, что данный обряд в настоящее время не проводится, он все еще сохраняется в памяти представителей этих народов. По воспоминаниям информанта, который участвовал в нем, обряд вылавливания души утопленника проводили еще в 60-е гг. XX в. [ПМА 2021a].

Отправление похоронно-поминальной обрядности было публичным и в нем принимали участие не только родственники, но и все представители общины (*ахабла* абх. *джамагъат* карач.), выполняя, таким образом, важную социальную функцию консолидации сообщества. Процедура погребения тела отражала стремление членов сообщества с одной стороны отдалить его от живых, а с другой заботу о нем, так как считалось, что «каждый умерший должен быть похоронен с почестями», то есть в соответствии с установленными в народе правилами. Как абхазы, так и карачаевцы смерть воспринимали не только как трагедию, но и как переход умершего «в другой мир», где его душа встретится и будет «жить» с предками. Эти народы избегают произносить слово «умер», заменяя его терминами «покинул этот мир», «присоединился к предкам», «находится в мире, где говорят правду», «покинул нас», то есть живых и т.д. Смерть, прежде всего, – это вторжение иного, то есть нарушение существовавшего, привычного порядка жизни, от которого нужно очиститься или защититься от него. Именно поэтому необходимо совершить правильные ритуальные действия, чтобы «продлить посмертное существование того или иного индивидуума и таким образом спасти социум от возникшего в нем хаоса» [Смирнов 1997: 4]. Все обряды, которые проводят после смерти человека, направлены на то, чтобы включить умершего в мир мертвых. В отдельных случаях для род-

ственников не представлялось возможным совершить их в правильной последовательности. В том случае, когда человек умирал не дома – утонул, сорвался со скалы, пропал без вести и т.д. первый этап обряда перехода (омовение тела, одевание или заворачивание в саван, укладывание в гроб или на носилки, вынос тела) приходилось упускать из-за отсутствия тела. Несмотря на это народы Северо-Западного Кавказа считали необходимым «вернуть» душу «домой» и воссоединить его с предками. Именно с этой целью они проводили обряд «возвращения души покойника» в родной дом. После проведения соответствующих ритуалов происходило закрепление нового статуса усопшего.

В сознании кавказских народов четко прослеживается их отношение к жизни и смерти. По их представлению, хорошее, то есть праздничные события (рождение ребенка, свадьба), и плохое – трагические (болезнь, смерть и т.д.) взаимосвязаны и непременно чередуются. На Северо-Западном Кавказе отношение к смерти двойственное: с одной стороны, многочисленные поговорки и высказывания посвящены судьбе человека, где смерть воспринимается как предначертанное судьбой, например, в адыгских сообществах бытует поговорка «кому готовят люльку, тому и готовят гроб». Абхазы считают, что, когда человек рождается, он от ангелов получает свою судьбу, которую он непременно проживет. Несмотря на это смерть для них является трагическим событием, к которому человек, достигая определенного возраста, начинал готовиться. Так как все умершие попадали в загробный мир, где непременно встретятся с предками, нужно было предстать перед ними с чистой совестью, а также совершить необходимый ритуал, чтобы на том свете душа находилась под тенью. Для этого пожилые женщины на затылке срезали прядь волос, заворачивали в ткань и хранили до самой смерти [ПМА 2019].

Карачаевская пословица гласит: *«бир кюн туугъан бир кюн ёлюр – однажды родившийся однажды умрет»*, также смерть человека наступает именно тогда, когда он заканчивает свой жизненный путь, и обмануть судьбу, данную во время рождения, невозможно. Смерть – это финал жизни, которая «придает культурному образованию завершенность структуры, окончательность конфигурации» [Демичев 1997: 112]. Кроме того, в сознании кавказских народов прослеживается единство всех перед смертью вне зависимости от занимаемого социального статуса и материального положения. Перехитрить судьбу никому не удастся. Человек сколько бы лет ему ни было, хочет жить. В одной абхазской притче говорится о том, как себя повела пожилая умирающая женщина, за которой пришла смерть. «Старуха, увидев сидящую у изголовья смерть, показала пальцем на своего молодого, чтобы она, то есть смерть, оставила ее и забрала внука» [ПМА 2021b]. Бытовавшая у абхазов притча иллюстрирует, что человек, живя в ожидании смерти, все равно к ней не готов и цепляется за жизнь, пытаясь продлить ее, пытаясь «договориться со смертью».

Так называемая «легкая смерть», которая наступает неожиданно и безболезненно, является самой желанной. Одна из информантов вспоминала, как ее свекор каждый вечер перед сном молил Бога «дать ему легкую смерть» [ПМА 2019]. Для человечества важным явлением является то, что над больным, стоящим между жизнью и смертью, совершают бдение. Родственники и члены об-

щины каждую ночь, собираясь у постели умирающего, превращают этот акт в публичное событие. Во время ожидания смерти они между собой распределяются на группы, согласно принципу, описанному Б. Малиновским: «одни остаются у тела умирающего, а другие занимаются приготовлениями к его приближающейся кончине и предполагаемым последующим действиям ближних, третьи исполняют некие, можно сказать, религиозные, действия в священном месте» с той разницей, что из описанной им схемы выпадает третья группа [Малиновский 2015: 48].

Особенно трагически кавказскими народами воспринимается неожиданная смерть человека, понимаемая как преждевременная кончина. В случае если это происходит вне дома, родственники и представители общины предпринимают попытку воссоединить тело и душу. А когда не удастся предать земле тело умершего родственника, «хотя бы душу вернуть домой» [ПМА 2015]. Присоединяясь к душам своих предков, душа вновь умершего продолжала жить на том свете привычным образом, и у нее там все должно быть как при жизни. Для этого родственники совершали необходимые обряды поминовения, жертвоприношения в его честь и даже клали с покойным в могилу привычные предметы, которыми человек пользовался при жизни.

Согласно мировоззрению исследуемых народов, «все живое является носителем души» [Инал-ипа 1976: 89]. Такое отношение демонстрируется в языке: *ауащысы зхоу* – что значит человек с душой, либо живой человек. О том, что душа является жизненно важной компонентой человека, отмечается в различных исследованиях. Она описывается как некое «подвижное, легкое, неуничтожимое, неумирающее существо, которое обитает в собственном жилище, то есть, теле» [Розин 1997: 170]. При этом в традиционных кавказских обществах человек, умирая, полностью не покидал пространство живых, то есть он окончательно не уходил. Представители тюркского мира карачаевцы и абхазо-адыгского мира абхазы считали, что «душа человека находится в некоем пространстве и чего-то ждет, но никак не может повлиять на жизнь в нашем мире» [ПМА 2017; 2022]. Несмотря на то, что душа оставляла тело, она должна быть «возвращена» в дом или двор, где жил человек. Особенно важно вернуть душу того, кто умер вне дома. Поскольку «души утопленников остаются в воде даже после того, как их самих вытащили на берег и передали земле» необходимо совершить соответствующие обряды для их «вылавливания» и «возвращения».

Если человек умирал вне дома (например, погиб на охоте в лесу или горах, утонул в реке), товарищи умершего возвращались в село с посохами на плече, тем самым без слов оповещая односельчан о печальном событии [Карачаево-балкарский фольклор... 1996: 62].

Родственницы умершего, услышав о смерти члена семьи, криком оповещали членов общины о случившейся трагедии, а мужчины отправляли горе-вестников к родственникам, которые жили в других селениях. После этого, группа, состоявшая из родственников и жителей селения, направлялась к тому месту, где предположительно погиб человек. Отдельного внимания заслуживает процесс поиска места гибели человека. Это было важно для них, так как они старались достать тело со дна реки, озера или обрыва чтобы привезти в дом.

Для того чтобы найти тело погибшего и похоронить по установленным обычаям, резали жертвенного животного и молились всевышнему, чтобы он «позволил поднять труп» [Чурсин 1957: 193]. Похожий обряд известен был и карачаевцам. В карачаевском фольклоре сохранилась песня-молитва, которую пели во время жертвоприношения. Обращаясь к матери воды Су-Анасы, если утопленница была женского пола, или к Су-Атасы отцу воды, если мужчина, они просили вернуть тело утопленника:

«Суу атасы Суулемен,
Сютге бичакъ билеген,

Ёлюгюмю бермеген,
Санга тилек тилеймен
Этин кьой да, сюегин бер»

Отец воды Суулемен,
Точащий нож на молоко
(злобящийся на молоко).
Не отдающий моего покойника,
Во имя тебя я молюсь
Тебя молю — возьми его плоть,
но отдай кости»
[Джуртубаев 1991: 112]

Вторая песня-молитва была обращена Су-Анасы:

«Суу-Анасы Мамметдир,
Айтханынгы керти этдир!
Адам кетди суунга,
Эл чыкьды кьуугъунга!
Чыкь кесинг да, кёр энди,
Ёлюгюмю бер энди!

Матья Воды Мамметдир,
Вели верно исполнить свою волю!
Человек утонул в твоей воде,
Село поднялось по тревоге твоей!
Выйди сама и посмотри,
Покойника моего отдай теперь»
[Джуртубаев 1991: 103]

Из песни-молитвы мы видим, что карачаевцы просили Сулемена «оставить себе мясо утопленника, а кости отдать семье». Это выражение свидетельствует о важности предания костей земле. Даже сейчас словесной речи присутствует выражение, в котором говорится «хоть бы мы получили возможность похоронить его кости» [ПМА 2021b]. В обращении к ней они также просили дать возможность исполнить ее волю, чтобы она в свою очередь вернула им покойника. Кроме этого, в этой же молитве они призывали ее «посмотреть на то, что все селение ищет пропавшего» [ПМА 2017]. Возможно, предполагалось, что мать воды должна была пожалеть членов *джамаата*-общины (у карачаевцев) и *аха-бла*-поселок у абхазов, которые принимали участие в поисках тела утопленника. Молитвы, обращенные как матери, так и отцу водной стихии, как мы видим, носили гендерный характер, так как «Сулемен (Су-Атасы) возвращал мужчин, а Су-Анасы женщин» [ПМА 2017].

При поисках утопленника карачаевцы использовали флейту – *сыбызгы*. Родственники погибшего в сопровождении с членами общины направлялись в поисках утопленника. Впереди шел тот, кто играл на флейте. В том месте, где свирель переставала играть, считалось местом умершего. Карачаевцы также, как и абхазы старались достать тело, а если не получалось, то непременно необходимо было вернуть душу к предкам.

Похожий обряд существовал и у кабардинцев. На специальном музыкальном инструменте *бжамый* играли песню «Плач у воды». Также, как и у карачаевцев процессия во главе с музыкантом шла вдоль реки. По существующему поверью *бжамый* переставал звучать на месте гибели человека [Кагазежев, Бгажноков 2011: 83].

Так как не всегда удавалось найти тело утопленника или провалившегося в пропасть, необходимо было совершить обряды для возвращения его заблудшей души в дом. С этой целью через несколько дней после погребения тела его родственники и соседи торжественной процессией шли к тому месту, где он утонул.

По сообщениям исследователей второй половины XIX – начале XX в., если человек утонет, «берут бурдюк, выгнав оттуда воздух, затягивают так, чтобы он оставался полуоткрытым. Тогда держа его в руках, идут в то место, где предположительно утонул человек и начинают петь песни» [Чернявский 1879: 350]. Обязательным элементом обряда было то, что, когда вешали бурдюк обращались к конкретной душе. Называли имя того, кто утонул и просили его душу пойти вместе с ними домой [Храмелов 1903: 157]. Увеселительные мероприятия продолжались до тех пор, пока мешок не наполнялся воздухом. После этого, завязав плотно горло мешка чтобы душа не улетела, вся процессия возвращается домой. Они поспешно шли к могиле, опускали горло вниз, выталкивали воздух и сразу засыпали могилу [Иоакимов 1873: 2].

В начале XX в. Г.Ф. Чурсин сделал более детальное описание обряда вылавливания души утопленника. После своей полевой работы в Восточной и Западной Абхазии он записал следующее: «Чтобы взять душу погибшего приносят новый козий бурдюк, вешают на шелковом шнуре у места гибели так чтобы бурдюк находился посередине реки и играют красивые песни на *апхьярца* (абхазская скрипка) или на свирели (*аҭырпын*), прося владыку вернуть душу, а саму душу чтобы она вместе с ними пошла в дом. Когда бурдюк от вошедшего в него воздуха раздувается, это воспринимается за верный признак того, что душа вошла в бурдюк. Его перевязывают шнуром несут на могилу и там развязав вытряхивают, прося душу воссоединиться со своим телом» [Чурсин 1957: 193-194]. Одним из условий, по представлениям абхазов и карачаевцев, было веселое настроение участников обряда, так как, во-первых, потерянная душа возвращалась в «семью», и во-вторых, душу нельзя обидеть печалью.

Отметим, что, данный обряд по сообщениям наших информантов у абхазов и карачаевцев, проводился еще в середине XX в. в несколько трансформированном виде. Карачаевцы пели специальную песню в честь божества мелкого рогатого скота, и основным знаком того что душа залетела в бурдюк стал считаться крик петуха. У абхазов увеличилось количество музыкантов. Если на рубеже XIX-XX вв. главным музыкантом были те кто играли на флейте и на апхьярца, то в XX в. участвовали и музыканты игравшие на струнном инструменте – *ачамгур*. Неизменным у обоих народов оставались импровизированные похороны, после того как пойманную душу воссоединяли с предками.

Забота о душе у народов Северо-Западного Кавказа все еще является важным элементом похоронно-поминальной обрядности. В связи с участвовавшими случаями автомобильных аварий со смертельным исходом отмечать место ги-

бели родственника специальными знаками. На месте установки знака в память о погибшем карачаевцы совершают *дуа*-молитву, а абхазы обряд поминовения: поднимают зауспокойный тост, вылив часть вина на землю перед знаком выпивают. После этого абхазы проводили обряд возвращения души. С того места, где погиб родственник и до дома, где лежало тело, они протягивали нитку, считая, что душа в этом случае не заблудится и по этой нитке найдет дорогу домой [ПМА 2023].

Таким образом, во-первых, существующие параллели в социальной жизни и духовной культуре абхазов и карачаевцев являются результатом активного межкультурного взаимодействия на протяжении длительного времени. Во-вторых, рассмотренный обряд возвращения души утопленника направлен не только, на воссоединение души и тела, но и на сохранение связи между живыми и мертвыми, то есть душа умершего, вне зависимости от места гибели, должна вернуться в семью. В-третьих, правильное совершение ритуала необходимо для восстановления нарушенного смертью порядка в сообществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Демичев 2007 – *Демичев А.В.* Дискурсы смерти: Введение в философскую танатологию. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1997. – 144 с.
- Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.
- Инал-ипа 1976 – *Инал-ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми: Алашара, 1976. – 463 с.
- Иоакимов 1873 – *Иоакимов А.* Предрассудки моих учеников (Из жизни пансионеров Сухумской горской школы) // Кавказ. – 1873. – № 66. – С. 2.
- Кагазежев, Бгажноков 2011 – *Кагазежев Б.С., Бгажноков Б.Х.* Древнейшие обряды и традиции народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. // Известия Кабардино-Балкарского Государственного университета. – 2011. – Т. I. № 4. – С. 82-84
- Карачаево-балкарский фольклор... 1996 – *Карачаево-балкарский фольклор* в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и комментарии А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 432 с.
- Лакунова 2016 – *Лакунова Д.Р.* Погребальная практика как отражение культурных кодов абхазо-адыгов // Успехи современной науки. – 2016. – № 9. – Т. 5. – С. 50-54.
- Литвякова 2013 – *Литвякова Е.А.* Межкультурные взаимодействия в молодежной среде // Молодежь XXI века: потенциал, тенденции и перспективы. – Екатеринбург, 2013. – Т. 2. – С. 27-30.
- Малиновский 2015 – *Малиновский Б.К.* Магия, наука и религия / Пер. с англ. А.П. Хомика. – М.: Академический проект, 2015. – 298 с.
- Медведев, Горобец 2014 – *Медведев А.В., Горобец Л.А.* Взаимодействие культур: проблема терминологии // Дискуссия. – № 9 (50). – 2014. – С. 12-17
- Нальчикова, Текуева 2019 – *Нальчикова Е.А., Текуева М.А.* Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. – 2019. – № 33. – С. 26-37.
- ПМА 2015 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия, с. Джгерда, август 2015 (информант – Фейзба Г.К., 1964 г.р.)
- ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Карачаево-Черкесскую Республику, г. Карачаевск, август 2017 (информант Татаркулов А., 1990 г.р.)
- ПМА 2019 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия, с. Джгерда, август 2019 (информант Айба Л.Ш., 1959 г.р.)
- ПМА 2021a – Полевые материалы автора. Экспедиция в Карачаево-Черкесскую Рес-

публику, с. Хурзук, август 2021 (информант – Бегеулов С.Х., 1964 г.р.)

ПМА 2021b – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия, с. Джгерда, июль 2021 (информант Айба Л.Ш., 1959 г.р.)

ПМА 2022 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Карачаево-Черкесскую Республику, с. Хурзук, май 2022 (информант – Бегеулов С.Х., 1964 г.р.)

ПМА 2023 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия, с. Джгерда, март 2023 (информант – Шларба С.Ш., 1978 г.р.)

Розин 1997 – *Розин В.М.* Смерть как феномен философского осмысления: культурно-антропологический и эзотерический аспекты // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 2. – С. 170-181.

Смирнов 1997 – *Смирнов Ю.А.* Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 279 с.

Храмелов 1903 – *Храмелов И.М.* Кое-что из абхазских поверий. Вылавливание из реки души утопленника // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Издание управления Кавказского учебного округа. – Вып. 32. – Тифлис, 1903. – С. 156-158.

Чернявский 1879 – *Чернявский В.И.* Дополнительная заметка о ловле души утопленника в Абхазии // *Природа и охота*. – 1879. – № 3. – С. 356.

Чернявский 1879 – *Чернявский В.И.* Ловля душ утопленников в Абхазии // *Природа и охота*. – 1879. – № 2. – С. 350.

Чурсин 1957 – *Чурсин Г.Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957. – 265 с.

REFERENCES

DEMICHEV A.V. *Diskursy` smerti: Vvedenie v filosofskuyu tanatologiyu* [Discourses of Death: An Introduction to Philosophical Thanatology] – SPb.: INAPRESS, 1997. – 144 p. (In Russ.).

DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkartsev i karachaevtsev* [Ancient beliefs of Balkarians and Karachays]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 256 p. (In Russ.).

INAL-IPA SH.D. *Voprosy etnokul'turnoi istorii abkhazov* [Questions of the ethnocultural history of the Abkhazians]. – Sukhumi: Alashara, 1976. – 463 p. (In Russ.).

IOAKIMOV A. *Predrassudki moikh uchenikov (Iz zhizni pansionerov Sukhumskoi gorskoi shkoly)* [The prejudices of my students (From the life of boarders of the Sukhumi Mountain School)]. In: *Kavkaz*. – 1873. – № 66. – P. 2. (In Russ.).

KAGAZEZHEV B.S., BGAZHNOKOV B.KH. *Drevneishie obryady i traditsii narodov Severnogo Kavkaza v XIX–XX vv.* [The oldest rituals and traditions of the peoples of the North Caucasus in the 19th–20th centuries.]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo Gosudarstvennogo universiteta*. – 2011. – T. I. № 4. – P. 82-84. (In Russ.).

Karachaevo-balkarskii fol'klor v dorevo-lyutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh [Karachay-Balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications] / sost., vstup. stat'ya i kommentarii A.I. Alievoi; otv. red. T.M. Khadzhieva. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 432 p. (In Russ.).

LAKUNOVA D.R. *Pogrebal'naya praktika kak otrazhenie kul'turnykh kodov abkhazoadygov* [Funeral practice as a reflection of the cultural codes of the Abkhaz-Adygs]. In: *Uspekhi sovremennoi nauki*. – 2016. – № 9. – T. 5. – P. 50-54. (In Russ.).

LITVYAKOVA E.A. *Mezhkul'turnye vzaimodeistviya v molodezhnoi srede* [Intercultural interactions among young people]. In: *Molodezh' XXI veka: potentsial, tendentsii i perspektivy*. – Ekaterinburg, 2013. – T. 2. – P. 27-30. (In Russ.).

MALINOVSKII B.K. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, science and Religion]. / Per. s angl. A.P. Khomika. – M.: Akademi-cheskii proekt, 2015. – 298 p. (In Russ.).

MEDVEDEV A.V., GOROBETS L.A. *Vzaimodeistvie kul'tur: problema terminologii* [Cultural interaction: the problem of terminology]. In: *Dis-kussiya*. – № 9 (50). – 2014. – P. 12-17. (In Russ.).

NAL'CHIKOVA E.A., TEKUEVA M.A. *Pominal'naya zhertva i pominal'naya pishcha v traditsiyakh narodov Severnogo Kavkaza* [Memorial sacrifice and memorial food in the traditions of the peoples of the North Caucasus]. In: Izvestiya SOIGSI. – 2019. – № 33. – P. 26-37. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Respubliku Abkhaziya, s. Dzhgerda, avgust 2015 (informant – Feizba G.K., 1964 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Karachaevo-Cherkesskuyu Respubliku, g. Kara-chaevsk, avgust 2017 (informant Tatarkulov A., 1990 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Respubliku Abkhaziya, s. Dzhgerda, avgust 2019 (informant Aiba L.Sh., 1959 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Karachaevo-Cherkesskuyu Respubliku, s. Khur-zuk, avgust 2021 (informant – Begeulov S.Kh., 1964 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Respubliku Abkhaziya, s. Dzhgerda, iyul' 2021 (informant Aiba L.Sh., 1959 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Karachaevo-Cherkesskuyu Respubliku, s. Khur-zuk, mai 2022 (informant – Begeulov S.Kh., 1964 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Respubliku Abkhaziya, s. Dzhgerda, mart 2023 (informant – Shlarba S.Sh., 1978 g.r.) (In Russ.).

ROZIN V.M. *Smert' kak fenomen filosofskogo osmysleniya: kul'turno-antropologicheskii i ezotericheskii aspekty* [Death as a phenomenon of philosophical understanding: cultural, anthropological and esoteric aspects]. In: Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 1997. – № 2. – P. 170-181. (In Russ.).

SMIRNOV YU.A. *Labirint. Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya* [Maze. Morphology of deliberate burial]. – M.: Vostochnaya literatura RAN, 1997. – 279 p. (In Russ.).

KHRAMELOV I.M. *Koe-cto iz abkhazskikh poverii. Vylavlivanie iz reki dushi utoplennika* [Some of the Abkhaz beliefs. Fishing for the soul of a drowned man from the river]. In: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Izdanie upravleniya Kavkazskogo uchebnogo okruga. – Vyp. 32. – Tiflis, 1903. – P. 156-158. (In Russ.).

CHERNYAVSKII V.I. *Dopolnitel'naya zametka o lovle dushi utoplennika v Abkhazii* [An additional note about catching the soul of a drowned man in Abkhazia]. In: Priroda i okhota. – 1879. – № 3. – P. 356. (In Russ.).

CHERNYAVSKII V.I. *Lovlya dush utoplennikov v Abkhazii* [Catching the souls of drowned people in Abkhazia]. In: Priroda i okhota. – 1879. – № 2. – P. 350. (In Russ.).

CHURSIN G.F. *Materialy po etnografii Abkhazii* [Materials on the ethnography of Abkhazia]. – Sukhumi: Abkhazskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. – 265 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.Ш. Зельницкая – кандидат исторических наук.

Information about the author

R.Sh. Zelnitskaya – PhD (in history).

Статья поступила в редакцию 30.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.